

Глава 3. Закрытые врата на родину, далёкий путь к спасению сестры

— Да ладно тебе, кончай реветь. Даже если в Верхний мир ходу нет, неужто пешком туда не добраться? — подал голос Сян Жун.

Бродячим артистам вроде него выбирать не приходилось: их заработок целиком зависел от капризов погоды. В сильный снегопад они и носа на улицу не высывали, что уж говорить о нынешнем бедствии, когда с неба вместо града сыпалось каменное крошево. Осколки скал, что покрупнее, оставляли в земле глубокие выбоины. О том, чтобы продолжить путь, не шло и речи — бедолаги даже под этим навесом, казавшимся относительно надежным укрытием, сидели как на иголках.

Волей-неволей всем троим пришлось делить убежище с Ся Цзинго.

Поначалу ни Сян Жун, ни Фэн Фулин не желали знаясь с этим изнеженным щеголем, подозревая в нем любителя мужской ласки и пустомелю. Однако тот, едва его затащили внутрь, забился в угол и вскоре принялся беззвучно глотать слезы с таким несчастным видом, словно у него на глазах рушился мир. Впрочем, глядя на то, что творилось снаружи, Сян Жун не удивился бы, если бы небо и впрямь рухнуло.

Парень плакал тихо, никому не мешая, но смотреть на его безмолвное горе было неловко. В конце концов Сян Жун не выдержал. Он принялся расспрашивать незваного гостя — сперва о причинах его слез, потом о том, как тот умудрился пролежать без чувств столько дней. Слово за слово, они назвали свои имена. Выяснилось, что Ся Цзинго — ни много ни мало — заклинатель с Седьмого неба. А рыдает он оттого, что путь домой для него закрыт.

"Тоже мне, трагедия, — мысленно хмыкнул Сян Жун. — Родители живы-здоровы, а он нюни распустил только потому, что обрушился Небесный столп и дорога обратно отрезана. До чего же изнеженная молодежь обитает в Верхних мирах"

В душе юноши шевельнулось презрение, и остатки его терпения окончательно испарились.

Ся Цзинго, видимо, выплакав все слезы, прерывисто вздохнул:

— Своими силами я смогу вернуться в лучшем случае через несколько десятилетий. А то и веков...

Обиженно надув губы, он перевернул овальное зеркальце и пару раз ткнул пальцем в стеклянную гладь. Экран оставался темным — артефакт не желал показывать ни лицо владельца, ни кого-либо еще.

— Сил у меня маловато. Чтобы вернуться, мне нужна помощь отца... Но я никак не могу с ним связаться.

Новая волна отчаяния захлестнула его, и по щекам вновь беззвучно покатались слезы.

Разумеется, изливать душу первому встречному Цзинго не собирался. На вопросы Сян Жуна он отвечал неохотно и скупой, открывая лишь то, что считал нужным. Да и как объяснить этому бродяге всю глубину своего горя?

А ведь горевать было о чем. Школа Девяти Великолепий испокон веков хранила Небесный столп. Главная заповедь предков гласила: «Пока высится Столп — жива и школа. Рухнет Столп — погибнут все». И вот теперь священная опора раскололась и рухнула в бездну. Цзинго понимал: защитники не отступили бы ни на шаг, пока оставался жив хоть один боец. Его отец, будучи главой школы, наверняка разделит судьбу своих соратников...

Цзинго тряхнул головой, отгоняя страшные мысли.

"Все эти разговоры о «закаливании характера» были лишь предлогом, — осознал юноша. — Отец просто спасал меня, укрывая от надвигающейся катастрофы"

— Слыхал поговорку: «Мужчина льет слезы, только когда сердце кровью обливается»? — Сян Жун окончательно потерял терпение. — Хватит сырость разводить из-за пустяков. Твой отец, небось, просто занят по горло, вот и не отвечает.

— Да что ты понимаешь! — воскликнул Ся Цзинго. — Небесный столп разрушен... Отец, возможно, уже...

Договорить он не смог. Схватившись за широкий рукав, он сердито утер мокрые щеки. Влага мгновенно впиталась в ткань, не оставив и следа, и юноша тупо уставился на собственный манжет.

В этом году в мире Девяти Великолепий выдались небывалые холода. Будучи лишенным духовных каналов калеккой, Цзинго не мог согреться с помощью истинной ци, как другие практики. Эту мантию Огненного Феникса отец сотворил специально для него. Он лично отправился на гору Феникса за драгоценным оперением, а затем умолил фею Э из залива Чанли соткать облачение на пылающей горе Бэймань, вплетя туда нити небесного шелкопряда. Ткань, созданная с таким трудом, не горела в огне и не поддавалась клинку, а способность мгновенно сохнуть и согревать тело владельца была лишь приятным дополнением к её защитным свойствам.

Перед лицом Ся Цзинго вдруг появился белоснежный хлопковый платок. Юноша поднял глаза и встретился взглядом со своим спасителем. Фэн Фулин смотрел на него с легкой брезгливостью. Но, несмотря на холодный вид, в его негромком голосе прозвучало некое подобие заботы:

— Слезами делу не поможешь. Сперва приведи себя в порядок.

Цзинго шмыгнул носом. С покрасневшим кончиком носа и заплаканными глазами он выглядел жалко. Ему и самому не хотелось раскисать, но мысль о том, что отец мог погибнуть в далеком Верхнем мире, лишала его воли. Изливать душу перед незнакомцами было стыдно, и, почувствовав неловкость, парень поспешно принял платок. Тщательно вытерев лицо, он попытался взять себя в руки.

— Спасибо, — пробормотал он, всё еще судорожно всхлипывая.

Фэн Фулин помолчал, разглядывая его, а затем перевел взгляд на облупившуюся колонну позади юноши. Можно было подумать, что потрескавшийся лак скрывает древние тайны — настолько пристально и неподвижно стоял этот человек, не сводя с него глаз.

— Какое отношение твой отец имеет к Небесному столпу? — не оборачиваясь, спросил Фэн Фулин, стоило Цзинго немного успокоиться. Было очевидно, что молчаливый спаситель сразу нащупал корень чужой беды.

Не успел Цзинго ответить, как у сидевшей в стороне Сян Юй начался приступ. Девочка задрожала всем телом, скорчилась от судороги и зашлась удушливым кашлем — казалось, ее вот-вот вывернет наизнанку.

Сян Жун поспешно приподнял сестру и крикнул Фэн Фулину, чтобы тот раздобыл кипятка. Для этого нужно было пробраться в заднюю часть храма, но если главный зал лежал в руинах, то в каком состоянии находились остальные пристройки, оставалось только гадать. Фэн Фулин молча подхватил свой меч и, ловко лавируя между провалами в обрушившемся потолке, устремился вглубь здания.

Ся Цзинго, видя, как тяжело приходится девочке, на время забыл о собственном горе. Подойдя ближе, он мягко произнес:

— Постарайся дышать глубже и медленнее, так кашель утихнет. На выдохе представь, что вся твоя внутренняя сила собирается в области сердца...

Малышка зашлась в очередном приступе и лишь спустя минуту смогла сделать ровный вдох. Чуть окрепнув, она прошептала едва слышным, прерывистым голосом:

— А сердце... это где?

Цзинго растерялся. Он и забыл, что простые смертные не разбираются в меридианах и средоточиях ци. Ткнув пальцем себе в грудь, чуть пониже солнечного сплетения, он поспешно объяснил:

— Вот здесь, примерно на три пальца ниже грудины. Вся эта область.

Девочка слабо кивнула и, прикрыв глаза, попыталась последовать его совету. Вглядываясь в бледное, истощенное лицо девочки, Цзинго с содроганием понял, что она угасает. Болезнь зашла слишком далеко.

— Чем она больна? — тихо спросил он у Сян Жуна.

Юноша замялся, не зная, что ответить, но больная опередила его.

— Да всем сразу... — прошептала малышка Юй. — Я всё равно скоро умру.

— Что за глупости ты говоришь? — Сян Жун, до этого общавшийся с Ся Цзинго исключительно сквозь зубы, теперь говорил с сестрой невероятно ласково. Его голос, исполненный нежности, казалось, мог растопить залетающие под навес снежинки. — Лекарь сказал, пропьешь еще несколько отваров, и пойдешь на поправку.

Цзинго изумился.

"А я-то думал, он просто неотёсанный грубиян, — мелькнуло в голове у парня. — Оказывается, нет"

Но тут же его кольнула грустная мысль: утешение брата звучало неубедительно. Даже несведущему человеку было ясно, что никакие травяные сборы тут уже не помогут. И Сян Юй, судя по всему, прекрасно это понимала. Оба они знали правду и просто ждали неизбежного.

Словно пытаясь опровергнуть мрачные предчувствия Цзинго и доказать, что его сестра еще поборется за жизнь, Сян Жун ласково поправил выбившиеся волосы на ее лбу.

— Ты ведь хотела весной запустить бумажного змея в виде стрекозы? — серьезно проговорил он. — Как только утихнет буря и прояснится небо, я сбегая на гору, выберу самый лучший бамбук и помечу его. А весной срублю и смастерю тебе змея, договорились?

Услышав это, Сян Юй слабо улыбнулась, напомнив хрупкий лесной цветок, упрямо тянущийся к солнцу сквозь непогоду.

— Да! И я сама запущу его в небо...

Сян Жун улыбнулся ей в ответ, бережно уложил обратно и подоткнул одеяло. Затем он жестом подозвал Ся Цзинго в противоположный угол храма. Неловко переступив с ноги на ногу, но с робкой надеждой в голосе, он тихо спросил:

— Раз уж ты из Верхнего мира... скажи, неужели у вас там нет какого-нибудь чудодейственного снадобья от всех болезней? Если есть, я готов жизнью рискнуть, лишь бы помочь тебе

вернуться домой.

Ся Цзинго со вздохом покачал головой:

— Ты сам сказал: я из Верхнего мира, а не бог с небес. Откуда у меня взяться эликсиру бессмертия?

Глядя, как гаснет надежда в глазах собеседника, Цзинго укрепился в догадке, что недуг девочки действительно смертелен. Иначе парень не стал бы спрашивать про всеисцеляющее лекарство, а поинтересовался бы конкретной болезнью. Только вот за какие грехи на долю ребенка выпало столько страданий?

Ему было искренне жаль брата с сестрой, но помочь он ничем не мог, а расспрашивать подробности казалось бестактным. Известные ему великие целители обитали исключительно в высших сферах. Но как туда попасть? Если бы путь наверх был открыт простым смертным, многочисленные школы земных практиков давно бы ушли на небеса. Сян Жун — всего лишь обычный человек, и его самопожертвование здесь ничего не решит.

Хотя... постойте.

— Готового снадобья у меня нет, но я вспомнил об одном человеке, — поспешно добавил Цзинго. — Есть у нас прославленный лекарь по имени Дунфан Вэймин. Он часто спускается в мир смертных, чтобы помогать страждущим. Совсем недавно он... кажется, практиковал в Цзяочжоу. Правда, после того, что случилось с Небесным столпом, он мог вернуться обратно в Верхний мир. Но если он всё еще здесь, я мог бы разыскать его и попросить забрать меня домой.

— Цзяочжоу? — встрепнулся Сян Жун. — Тот, что на северо-востоке?

— Именно. Накануне моего отбытия один из дядей-наставников как раз упоминал, куда направился мастер Дунфан. Кстати, я так и не спросил: мы сейчас где находимся?

— Это город Цзяншуй... До Цзяочжоу отсюда путь неблизкий.

— Тот самый Цзяншуй, что принадлежал бывшему царству Цзян? — Цзинго помрачнел, увидев утвердительный кивок.

Цзяншуй раскинулся на самом юго-западе Поднебесной, а Цзяочжоу лежал на северо-восточной окраине. Между ними простирались тысячи ли. Будь рядом отец, они перенеслись бы туда в мгновение ока, но пешком... На такое путешествие уйдет не меньше полугода.

Смотря на угасающую Сян Юй, парень сильно сомневался, что она перенесет столь долгий и изнурительный путь. Делиться своими опасениями с Сян Жуном он не стал, чтобы

окончательно не лишать его надежды. Впрочем, судя по помрачневшему лицу юноши, тот и сам прекрасно понимал всю сложность положения. Поэтому Цзинго лишь мягко добавил:

— Но учти, у господина Дунфана есть одно строгое правило. Перед тем как взяться за лечение, он всегда оценивает ауру больного. Помогает он лишь тем, чья душа чиста и в ком добрых помыслов больше, чем грехов. Впрочем, твоя сестренка еще совсем дитя, ей бояться нечего.

Ся Цзинго тепло посмотрел на Сян Юй, которая с любопытством прислушивалась к их разговору, и ободряюще подмигнул ей. В ту же секунду Сян Жун решительно заслонил девочку собой, прервав их безмолвное общение.

Цзинго опешил.

"Он что, заподозрил меня в чем-то дурном?" — недоуменно подумал он.

Пока Ся Цзинго размышлял над странным поведением попутчика, Сян Жун нерешительно спросил:

— А ты... сам можешь разглядеть ее ауру? Она чиста?

— Ну... — Цзинго неловко почесал затылок, понимая, что его способности переоценили. — Истинный облик человеческой души предопределен свыше. Даже мой отец, достигший ступени Пустоты, не умеет читать чужие помыслы. Это тайное искусство подвластно одному лишь мастеру Дунфану. Откуда мне знать?

Заметив, как потемнело лицо Сян Жуна, он с легкой тревогой поинтересовался:

— Неужели твоя сестра успела натворить бед? Да ты не переживай. Если грех невелик, его всегда можно искупить добрыми делами. Путь впереди долгий, возможностей совершить благодеяние будет достаточно.

— Дело не в ней, — покачал головой Сян Жун. — А во мне.

— Ну, раз во мне, так тем более не о чем беспокоиться, — облегченно вздохнул Цзинго. — На нее твои грехи не перейдут.

Немного помолчав, он осторожно спросил:

— А что именно ты совершил?

Сян Жун низко опустил голову и уставился в пол с таким видом, словно пытался прожечь

взглядом дыру в камне. Видя его замешательство, Цзинго поспешил сгладить неловкость — в конце концов, парень хоть и отличался крутым нравом, на отъявленного злодея походил мало.

— Если не хочешь говорить, не надо. Я не настаиваю.

Но Сян Жун упрямо мотнул головой:

— Ради спасения сестры мне пришлось лишить жизни нескольких человек. Неужели это никак на ней не скажется?

— Что?! — в изумлении воскликнул Ся Цзинго, попятившись.

Не удержавшись на ногах, он с маху повалился на землю. Он было подумал, что просто оступился от неожиданности, но, попытавшись подняться, осознал: земля под ним ходит ходуном. Древние стены храма затряслись, осыпая их вековой пылью.

— Да что происходит?!

Кое-как поднявшись на ноги, Цзинго ухватился за дрожащую стену.

— Назад! — яростно закричал Сян Жун. — Это землетрясение! Отойди от стены, сейчас всё рухнет! Нужно немедленно бежать на улицу!

— На улицу?! Но там же каменный дождь! Нас убьет на месте! И... постой, а как же Фэн Фулин? Он ведь всё еще в заднем зале!

<http://bllate.org/book/20066/2028574>